

Ирина Ю. Станковская

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ**
Сборник рассказов

Ирина Станковская

**Фантастические истории.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

2015

Станковская И. Ю.

Фантастические истории. Сборник рассказов /
И. Ю. Станковская — «Издательские решения», 2015

Истории фантастические и не очень, которые собраны в этой книге, в большинстве своём имеют отношение к прошлому и будущему. Но и в наше время случаются необыкновенные события, достойные того, чтобы рассказать о них.

Содержание

Только теперь без динозавров	6
Часы мастера Якоба	11
Страшные истории о девочках	20
Толстенькая девочка	20
Худенькая девочка	22
Добренькая девочка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Фантастические истории
Сборник рассказов
Ирина Ю. Станковская

© Ирина Ю. Станковская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Только теперь без динозавров

Когда в начале XXV столетия Космическая ассамблея распустила подразделение охотников за астероидами, Патрика и Макса оставили в составе одной из исследовательских групп Космического университета скорее в память о прежних заслугах, чем из необходимости. Патрик поначалу не очень и огорчился – за последние три века почти все малые небесные тела, несущие потенциальную угрозу Земле и поселениям на Марсе и Венере, были уничтожены. Да и к сотрудникам подразделения прилипла обидная кличка «мусорщики».

Теперь же Патрик и Макс числились в штате как главные специалисты, а корректным работникам университета и в голову не могло прийти назвать их уборщиками космического барахла или чем-то в этом роде. Бывшие охотники проводили рабочий день в неспешных прогулках по роскошному Ботаническому саду университета, не обделяя вниманием прилепившийся к одному из корпусов бар «У лысого пеликана». Старина Джо, хозяин бара, любил слушать байки посетителей и часто ставил ветеранам по паре кружек пива за счет заведения. Иногда Патрика и Макса приглашали на консультации, но общаться со студентами друзья не любили – молодежь знала ответы на все вопросы и слишком полагалась на автоматику.

«Зачем нам изучать ручное управление? – фыркали они. – Сейчас разработчики гарантируют почти стопроцентную безопасность!» И вполуха слушали рассказ Макса о том, как он при вышедшем из строя навигаторе сумел виртуозно сманеврировать между орбитальными станциями.

В конце концов, Максу первому надоело болтаться в чуждой для него среде. Он уволился, купил домик недалеко от Санта-Барбары и оказался вдруг женатым человеком со взрослой дочерью и тройкой шустрых внуков. Патрик даже немного обиделся, поскольку считал, что знает о старом друге все. Сам-то он так и не женился, хотя был привлекательным мужчиной среднего роста, с соломенными волосами, темно-серыми глазами и мальчишеской улыбкой. Девушкам Патрик до поры до времени нравился. Но он и раньше-то не умел поддержать светскую беседу, а теперь говорить о своей прошлой работе стало для охотника самым любимым занятием. Последнее серьезное увлечение Патрика, длинноногая рыжеволосая Марианна, бросила его не без сожаления.

«Слушай, Пат, – сказала она, и на ее прелестном веснушчатом лице расцвела смущенная улыбка, – астероиды, это, конечно, интересно, но ты уж извини, я в личных отношениях хотела бы быть ближе к Земле». Когда Марианна уходила со слезами в красивых зеленых глазах, Патрик и сам чуть не расплакался.

Охотник остался один. Ему повысили зарплату, сделав почетным консультантом, и избавили от необходимости каждый день ходить на работу. К тому же, у Патрика накопилась кругленькая сумма, и он выкупил у Центра космических исследований охотничий корабль. Небольшое, но ладное и юркое суденышко Патрик нарек «Мухобойкой». С тех пор кораблик часто можно было видеть на орбите Земли и в окрестностях Луны. Иногда Патрик долетал до Марса, но не высаживался на планету, а снова возвращался на родину.

Шли годы, Патрик изучил практически все оставшиеся крупные астероиды Солнечной системы. Опасных объектов среди них не обнаружилось.

«Рано или поздно мои услуги понадобятся!» – верил он. Патрик дал объявление в межпланетной сети: «Подготовлю охотника за астероидами. Плата разумная», но никто не отозвался. В конце концов, он обещал научить своему ремеслу безвозмездно. Увы, желающих не нашлось.

Однажды, пожаловавшись старине Джо (тот стал к тому времени не просто стариной, а стариком), он получил разумный совет: «Анабиоз, дружище. Если у тебя нет учеников, так занимайся своей работой сам. Заморозься лет на двести, хоть какой астероид да появится!»

В фирме «Плывем в будущее» ветерана встретили с распростертыми объятиями. Патрик прошел кучу обследований и получил разрешение на три цикла анабиотического воздействия.

«Мы не шарлатаны! – горячо заверял его директор клиники, кругленький лысоватый мужчина с воровато бегающими за винтажными очками глазками. – Более трех раз – опасно для вашего здоровья. Мы не гонимся за деньгами! И мы не гонимся за клиентами!» Когда Патрик получил счет, он ахнул – вопрос о том, кто за кем гонится, отпал, и стало ясно, что деньги просто таки сами текут к предприимчивым мастерам анабиоза.

Однако фирма постаралась на совесть. Индивидуальный бункер был надежно укреплен в шахте, в недрах горы, тектоническая неактивность которой была просчитана, как уверяли сейсмологи, на полмиллиона лет вперед. В отдельной шахте удобно разместилась верная «Мухобойка». Патрик подписал все необходимые бумаги и отдался в руки докторов.

Через 200 лет он проснулся. Приведя себя в порядок, Патрик поднялся на поверхность и вышел из лифта. Пейзаж изменился мало, хотя деревья и кустарники вокруг Космического университета поредели и были посажены иначе. Университет разросся, появилось несколько новых корпусов, плавающих над основным зданием. Принципиально нового Патрик не увидел – земляне были те же, одежда и техника изменились, но не до такой степени, чтобы привести ветерана Космоса в изумлении.

В языке появились непонятные словечки, да и говорили люди так, словно мочало жевали. Охотнику приходилось изрядно напрягаться в попытках понять смысл произносимого. В первом попавшемся киоске Патрик купил журнал, но его голосовые команды тот не разобрал и так и остался открытым на аляповатой обложке. Патрик заметил, что из алфавита убрали некоторые буквы, но зато кое-что прибавили. Закорючки, декларируемые, как он потом узнал, как «возвращение к истокам», Патрику не приглянулись. Очевидно, под «истоками» авторы языковых реформ понимали что-то свое, поскольку ветеран еще в детстве ходил в кружок любителей палеографии и разбирался в вопросе.

Бар «У лысого пеликана» остался прежним, там заправлял правнук старины Джо. Он был похож на предка, хотя вместо волос на голове топорила какая-то растительность, мало напоминавшая волосы. «Водоросли», – догадался Патрик, приглядевшись. В бухгалтерии главный консультант получил кучу денег. Оказалось, руководство университета забыло вычеркнуть ветерана из штата, и денежка 200 лет продолжала капать на его счет.

«Хорошо, что вы проснулись! – радостно приветствовал охотника проректор по хозяйственной части. – Появился тут вдруг один астероид – через три недели будет пролетать мимо Земли. Мы хотели его сбить еще у Урана, но не вышло. Придется вам прибираться». Начальство говорило таким тоном, что Патрик понял: в университете жалеют о потраченных на старого «мусорщика» деньгах и требуют, чтобы он хоть как-то оправдал израсходованные на него средства.

«Отчеты, сами понимаете», – продолжало начальство, укрепив Патрика в его догадке.

Охотник несколько дней поработал над «Мухобойкой». Межпланетный совет прислал в помощь умелых техников, которые внесли в корабль ряд полезных усовершенствований. Патрик только посмеивался. За двести лет почти ничего нового. Вот измельчал народ! И как можно не заметить астероид такого размера?! Двенадцать километров в поперечнике!

«Он вообще появился ниоткуда, бродяга какой-то, – обмолвился один из техников по завершении модернизации, – ведь ваши астрономы его тоже не заметили!»

Деление на «ваших» и «наших» Патрику не понравилось, но спорить он не стал. Ветеран еще чувствовал усталость и апатию после анабиоза. Оживился он, лишь приблизившись к объекту охоты – громадному серому астероиду под названием Питон. Патрик залюбовался жертвой – одна половина почти сферического небесного тела была достаточно ровной, покрытой потеками, напоминающими застывшую вязкую грязь, другая – пористой, пузырчатой, с поднимающимися там и сям каменными выступами, похожими на иглы какого-то животного. Патрик

отключил автоматическое наведение и прищурился на дисплей, усеянный штрихами функциональных сеток. Выждав подходящий момент, охотник нажал на кнопку. Пли! Массивная пухлая ракета вырвалась перед кораблем и понеслась в направлении объекта. Именно в тот миг, как он и рассчитал, из ракеты веером вылетели капсулы со взрывчаткой. Они должны были покрыть не только видимую поверхность астероида, но и залететь с тыльной стороны и произвести там свою разрушительную работу. Патрик изменил курс и полетел прочь, не дожидаясь взрыва. Он никогда не промазывал.

«Зачем вы выключили автоматическое наведение? – упрекали его потом. – Нельзя работать по-старинке! Хорошо, в этот раз обошлось!»

Патрик молчал. Он был так обескуражен, что не протестовал, когда его зарплату урезали почти в два раза и перевели на должность простого консультанта. Когда он, набравшись смелости, пришел к начальству, оно приняло его весьма прохладно.

– Я обязательно взорву Питон! – сказал ветеран. – Это первая неудача в моей практике!

– Вы не молодеете, – бестактно сказала начальство, – а в следующий раз астероид прилетит через... триста пятьдесят два года!

– Так что ж это за астероид такой! – вскричал Патрик. – Это что-то необъяснимое! Надо бы его исследовать!

– Ресурсы Земли не безграничны. Как, впрочем, Марса и Венеры. Все средства идут на поддержание колоний. К тому же эта проблема с террористами... Изучать Питон нет смысла. Наши потомки что-нибудь придумают.

Патрик, вздыхая, отправился в «Плывем в будущее». Как выяснилось, сами сотрудники неохотно пользовались услугами своей фирмы – во всяком случае, Патрик не увидел ни одного знакомого лица. Тем не менее, договор еще действовал и доктора дали добро на вторую заморозку.

Через триста пятьдесят два года Земля Патрику не понравилась – воздух стал еще гаже, фигуры людей поражали разнообразием форм на грани с уродством. Причем, как с ужасом узнал Патрик, эти изменения вносились по доброй воле под влиянием капризной моды. Ветеран почти сразу стал задыхаться, и пришлось купить респиратор. От предложений имплантировать себе биореспиратор он отказался. Речь землян Патрик понимал уже с трудом. Поэтому пришлось приобрести автопереводчик.

Население Земли сократилось, колонии на Марсе и Венере были заброшены. База на Луне являла собой жалкое зрелище. Слетав туда, Патрик пожалел, что зря потратил бешеные деньги на топливо. Воздушные корпуса университета опустили и просто нахлобучили на стационарные корпуса, но никто не удивлялся странному зрелищу. Говорили, что это сделано из-за происков террористов, которые ненавидели технический прогресс и ратовали за «возвращение к истокам» (это выражение звучало теперь так часто, что охотник залез в переводчик и заменил его фразой «да пошли вы все к черту»).

Посетив бар «У лысого пеликана» Патрик обнаружил за стойкой особь неизвестного пола, никак не похожую не только на старину Джо, но и вообще на человека. Правда, несусветное существо встретило самого старого клиента приветливо и поставило полкружки пива, которое к счастью, почти сохранило прежний вкус при несусветно взлетевшей цене.

В университете ветерана принял ректор, высокий и тонкий, как градусник.

– Питон? – без энтузиазма отреагировал он, медленно почесывая торчащий из-под подбородка модный золотистый биореспиратор со светящимися красными стразами-индикаторами, – Да, с Луны нам что-то доложили. Надеюсь, он не столкнется с Землей.

Через несколько минут Патрик узнал, что денег на его зарплатном счету кот наплакал, поскольку триста лет назад произошло первое сокращение штатов, под которое он и попал.

– У меня есть сбережения, я сам полечу спасти Землю! – без ложной патетики произнес космический охотник.

– Я слышал, у вас есть корабль. Я бы прислал ремонтников, но у нас очень плохо с финансированием! Недостаток ресурсов, видите ли, к тому же, террористы опять активизировались, – вяло отозвался ректор и махнул рукой.

– Вам на все плевать! – возмутился Патрик и вышел, хлопнув дверью, не обращая внимания на несущееся вслед невнятное бормотанье ректора.

Охотник так разозлился, что даже очередной промах мимо Питона, наблюдаемый им недалеко от орбиты Юпитера, не смог вывести ветерана из себя. Астероид в последний момент издевательски вильнул и ушел из-под обстрела. На второй залп у Патрика не хватило сил. Он обмяк в штурманском кресле, тупо глядя на удаляющийся объект.

С тех незабвенных, полных романтики и приключений времен, у него остался всего один заряд. На этот раз Земле опять повезло. Но что будет в третий раз?

Последний сеанс анабиоза Патрик оплатил дополнительно, хотя по условиям договора он был бесплатным. Но доктора так жалостно смотрели на него, трогательно шевеля щупальцами, что ветеран безропотно внес деньги в фонд «За лучшее будущее фирмы „Плывем в будущее“».

Когда он проснулся снова, то сразу надел респиратор. Лифт двигался со страшным скрежетом, и охотник несколько раз покрывался холодным потом, думая о внеплановом движении тектонических плит. Когда Патрик вылез наружу, то оказался в пустынном мире скал, песка и валунов, покрытых скудной и непривычной на взгляд растительностью. Ветеран порядком запыхался, преодолевая почти пятикилометровое расстояние до бывшего университета. От зданий мало что осталось, и только верхние корпуса университета были еще различимы под наносами грязи и песка. Патрик нашел крышу бара «У лысого пеликана» и после долгих манипуляций с аварийным снаряжением спустился через пролом внутрь. Под прилавком он обнаружил бутылку пива, но не стал ее открывать.

Вернувшись назад, охотник поднял на поверхность «Мухобойку» и попросил сделать наводку на Питон. С базы на Луне никто не отозвался, но аппаратура там еще работала, поэтому Патрик получил необходимые данные и, натужно кряхтя, принялся опорожнять последние канистры топлива в пересохшие баки верного корабля.

Подлетая к Питону, он был как никогда спокоен. Автоматику Патрик выключил – Земля умерла, его промах ничего не изменит. Но оставалась еще задетая гордость профессионала, перфекциониста и настоящего мужчины.

Патрик прицелился в третий раз и молча, отстраненно, нажал на кнопку. Астероид не пытался увернуться, он плыл, подставившись под выстрел старого охотника, как серый огромный волк. «Фенрир или как его там ... Фенрис. Короче, конец света наступает», – подумал Патрик, глядя, как ракеты вгрызаются в тело астероида. Серая оболочка разлетелась вдребезги, обнажилось идеально гладкое серебристое ядро Питона.

– Спасибо за помощь, землянин, – раздался в динамиках механический голос, – прекрасно, что ты с нами. Надеемся, во второй раз Земле повезет больше.

– Кто это? – Патрик подпрыгнул на кресле, дико озираясь по сторонам.

– Мы несем на борту все необходимое для зарождения жизни на вашей планете. Как и миллионы лет назад. Это не дубликат, а нестандартный набор с поправкой на нынешние условия, – продолжал голос, – из-за технической поломки мы не смогли открыть люки, когда пришло время. Ты спас будущее Земли! – голос помолчал и добавил. – Только теперь без динозавров...

Из Питона со всех сторон посыпались сверкающие контейнеры. Отлетев от мнимого астероида, они собрались в огромную стаю, как невиданные серебристые космические птицы, и, развернувшись, двинулись в сторону Земли.

Сфера начала удаляться от «Мухобойки», Патрик вытянул руки, коснувшись дисплея, словно хотел задержать Питон.

– Эй, а как же я? – крикнул он вслед.

Никто ему не ответил.

Впоследствии Патрик не раз вспоминал добрым словом канувшую в Лету фирму «Плывем в будущее». Ему удалось разбудить еще нескольких пациентов клиники анабиоза, а в контейнерах обнаружился не набор аминокислот и прочего протожизненного добра, а куда более совершенные объекты, которые ждали своего часа в саморазвивающихся инкубаторах. Немалую роль сыграли другие щедрые подарки инопланетян – очистители атмосферы и энергетические батареи невообразимой эффективности. Все устройства обладали интуитивно понятным интерфейсом и работали безукоризненно. Об отсутствии динозавров Патрик ни разу не пожалел.

Одним из первых восстановленных новыми землянами зданий был бар «У лысого пеликана», своеобразный памятник старине Джо и его спасительной идее об анабиозе.

Часы мастера Якоба

Саше Штралю новый клиент сразу понравился. Высокий, худой, с угольно-чёрными глазами на морщинистом лице, Андрей Егорович напоминал испанского или итальянского священника-аскета, только без тонзуры и соответствующего облачения. Саша время от времени завистливо поглядывал на густую седую шевелюру старика: восемьдесят четыре года, а ни проплешины. Сам Саша к тридцати годам уже имел проблемы с волосами, но, втайне страдая, держался на людях молодцом и нарочно накоротко стриг то, что еще оставалось.

Андрей Егорович прекрасно говорил по-немецки, хотя современный лексикон часто ставил его в тупик. Несмотря на возраст, старик старался не горбиться и высоко держал голову. Слух и зрение у него были отменные. Саша сначала даже удивился, зачем такому клиенту понадобился персональный гид. Но, подумав, он решил, что Андрей Егорович всё-таки побаивается водить машину, к тому же, Саша решал организационные вопросы, хорошо ориентировался на местности и был прекрасным рассказчиком. Старик внимательно слушал его байки, вставлял остроумные замечания, живо интересовался местными достопримечательностями и немецким бытом. Незаметно Саша рассказал клиенту о своей жизни, о полузабытом Свердловске, откуда родители вывезли его еще ребенком. После нескольких дней, проведенных вместе, они так подружились, что Андрей Егорович наотрез отказался от гида-сменщика, предложенного турбюро. Саше это польстило, да и чаевые от старика ожидалось хорошие – Андрей Егорович никогда не оставлял обслуживающий персонал без вознаграждения.

Экскурсионная программа подошла к концу, церкви, музеи, галереи и природные заповедники были осмотрены, лучшее пиво основательно продегустировано, а старик всё придумывал новые поездки. Хозяин турбюро уже несколько раз хвалил Сашу и намекал на прибавку к зарплате, что было совсем не лишним в период кризиса.

– Да вы знаете окрестности не хуже меня! – сказал Саша как-то вечером, когда они сидели в очередной популярной среди туристов пивнужке.

– Бывал я здесь, – задумчиво произнёс Андрей Егорович.

Он устался в кружку с пивом и подул на пену.

– Первый раз слышу! – Саша даже немного обиделся. – И давно это было?

– Мы уехали в конце 1949 года, – старик грустно улыбнулся, – значит, почти 60 лет назад.

– Вам удалось побывать в англо-американской зоне оккупации? – воскликнул Саша. – И что вы там делали?

– Работал переводчиком, – подмигнул старик, – при советской миссии. Потом пришлось уехать. Отношения с союзниками стали не ахти. Впрочем, вы и сами об этом читали.

– Да так, в общих чертах, – Саша покраснел, – будете смеяться, но я в истории не очень. Много знаю, конечно, но не более того, что должен знать здешний гид.

– А, понятно, – Андрей Егорович кивнул, – я вот подумал, не прогуляться ли нам с вами в Траумбург?

Он раскрыл потрепанный путеводитель и зачитал вслух: «Так называемые Золотые фигуры Траумбурга, украшающие башенные часы колокольни церкви Святой Бригитты, были созданы в середине 16-го века мастером Якобом, ставшим впоследствии бургомистром. Высокой немногим более человеческого роста, фигуры прекрасно просматриваются из любого конца площади, внушая горожанам и гостям города восхищение и благоговейное почтение. Условно атрибутируемые как Архиепископ, Король и Королева, эти изумительные статуи уцелели в бурном вихре событий, которые как будто и не затронули уютный городок Траумбург».

Андрей Егорович отложил путеводитель и взглянул на Сашу:

– Ну-с, герр Штраль, пожалуй, стоит туда съездить!

– Красивые фигуры, – сказал Саша, – но на снимках совсем не то!

– Да, я заметил, – кивнул старик, – много читал про них, но не видел ни одной приличной фотографии. Я сам когда-то сделал несколько черно-белых снимков, но всё равно получилось размыто.

– Они слишком блестящие, наверное, солнце, блики, – предположил Саша.

– Погода была пасмурная, – возразил Андрей Егорович, – к тому же, не могут же все фотографы делать плохие снимки!

– Маленький городок, ничего особенного, – попытался отговорить клиента Саша, – жителей от силы полсотни. Туда почти никто не ездит. Церковь самая заурядная.

– Я как-то проезжал его и остался на несколько дней, – задумчиво сказал старик, – интересно, как он теперь выглядит.

– Воспоминания, – понимающе кивнул Саша, – тогда, конечно, я отвезу вас туда. Места красивые, много зелени, но скука смертная. Вы знаете, это из тех городков, куда не приезжают дважды.

Немногочисленные туристы, собравшиеся в полдень на Ратушной площади, примолкли. Бом-бом-бом! Под циферблатом на колокольне открылась дверь, и в лучах летнего солнца засверкали золотые фигуры – они выехали из темноты на подвижной платформе и застыли, устремив безжизненные взоры в сторону Альп. Архиепископ в митре и мантии поднял руку в благословляющем жесте, королева и король в роскошных резных коронах, стоящие по обе стороны от него, церемонно наклонили головы. Колокола играли гимн Траумбурга – простенькую приятную мелодию из тех, что поначалу навязнут в зубах, а потом невозможно вспомнить. Прошло несколько секунд, и платформа пришла в движение, три золотые фигуры исчезли за закрывшимися дверями. Некоторые туристы успели их сфотографировать, те, кому не повезло, разочарованно вздыхали – если из-за чего и стоило ехать в этот городишко, так только из-за башенных часов. Музыка смолкла, и площадь опустела – немногие гости города перебрались в отмеченный во всех путеводителях погребок «У старого Алоиза». Там подавали местное пиво с добавками из трав.

Андрей Егорович повернулся к Саше. Тот широко улыбнулся, демонстрируя готовность отправиться куда угодно по желанию клиента.

– Тут была пекарня, – медленно начал старик, и по его тону Саша понял, что сейчас он скажет что-то очень важное.

– Вы имеете в виду пекарню «Булочки Цецилии»? – весело подхватил он. – Туристы всегда шутят по поводу названия.

– Точно, – воскликнул старик, – так она ещё существует?

– В этом городке вот уже почти пять столетий ничего не меняется. Я ж говорил: скука. И как они тут живут! – Саша развел руками, выказывая то ли удивление, то ли неодобрение привычкам траумбуржцев. – Чужаки тут не задерживаются. И я их понимаю! В этом болоте надо родиться!

– Я влюбился в неё с первого взгляда, – произнес вдруг Андрей Егорович, – теперь-то я могу рассказать, ведь при моей работе... – он замолчал, стоя перед Сашей с опущенной головой.

– Вы имеете в виду какую-то местную девушку? – уточнил Саша, и тут же его поразила мысль, что старик до сих пор ничего не рассказал о себе. Он часами слушал Сашу, беседо-

вал с ним о политике и искусстве, но умудрился не выдать подробностей собственной личной жизни...

– Вы были разведчиком? – обалдев от собственной наглости, спросил гид.

– Не имеет значения, – старик бросил на Сашу острый взгляд, – сейчас имеет значение лишь то, что я специально приехал туда, куда по вашим словам не ездят дважды. И приехал из-за неё. Из-за Цецильхен. В этом я до сего момента не мог себе признаться. Она была такая милая, такая очаровательная. Помогала матери в пекарне...

– Она жива, вы узнавали? – спросил Саша сочувственно.

– Траумбург, – особый город, у него даже сайта в Интернете нет, – сказал Андрей Егорович, – сейчас везде Интернет, а они вот такие, отсталые... Но я кое-что наскреб по сусекам. У меня хорошие друзья.

– Так пойдемте в пекарню и посмотрим, если её нет в живых, то наверняка остались дети или внуки, – бодро предложил Саша, – я туда пару лет назад одного профессора водил, булочки ему очень понравились. Он всё церковными часами восхищался, просил их показать поближе, но ему не разрешили. Сказали, что основная часть постройки очень древняя, вовсе не 16 век, а намного старше, туда посторонним нельзя.

– Да? – Андрей Егорович замялся. – Может быть, сначала сходим к Алоизу, вы мне о часах расскажете. И профессор этот... Иванский его фамилия?

– Точно, – Саша уважительно взглянул на клиента, – вы основательно подготовились!

В погребке «У Алоиза» почти не было посетителей. Саша и Андрей Егорович сели за грубый деревянный стол и с наслаждением отхлебнули по глотку пива с горьковато-пряным ароматом.

– Так что ж Иванский? – напомнил Андрей Егорович.

Саша пожал плечами.

– Старичок такой ветхий, дунь – улетит... Но очень вежливый, некапризный, просто фанатик какой-то. Он сразу в Траумбург поехал, никуда не хотел – а ведь в первый раз в Германии. Но сами знаете, если ученый – маньяк, то это не лечится. И сколько у него часов было, не поверите, – сразу штук пять возил наручных и все жалел, что башенные купить нельзя.

Саша рассмеялся, но Андрей Егорович его не поддержал. Он пристально глядел на гида и ждал продолжения.

– Ну вот, он эти часы когда-то в книжке на рисунке увидел. Рисунок был сделан чуть ли не сразу после установки часов. Но вот оказия, потом он её найти не мог. Главное, название книги знал, она без автора была. По всему миру искал. Во все библиотеки запросы подавал. Исчезла книга, как будто и не было. Жена с ним чуть ли не развелась, так ей всё это надоело.

Саша замолчал и сделал ещё один глоток:

– Короче, приехал он сюда, а ему отказали. Он на башню почти уже поднялся, но его перехватили и так по-немецки, как они умеют, отчитали, что де порядок должен быть, что если нельзя посторонним, так всем нельзя! Старик совсем сник, чуть ли не плакал, а они ни в какую. И что, как будто жалко пожилого человека порадовать, ведь он не из любопытства, а в научных целях!

– Многими учеными как раз и движет любопытство, – возразил Андрей Егорович, – к тому же, может быть, именно его научные цели их обеспокоили.

– Не знаю, – сказал Саша, – но факт, что уехал профессор расстроенный. Хороший был человек. Читал, что он недавно умер

– Да, увы, – сказал Андрей Егорович, – кстати, помните, в путеводителе написано, что изготовил часы некий мастер Якоб. Странно, что фамилии мастера нигде не найти. Немцы в таких вопросах очень аккуратны.

– Надо было вам 60 лет назад в этом разобраться, – заметил Саша, – с победителями бы посчитались. Пришли бы в их архив и потребовали!

– Не наша зона, – сказал Андрей Егорович и усмехнулся. – Видел я кое-какие документы, но не по этому делу. Мне удалось подружиться с одним американцем, славный парень был. Коллега мой, кстати. Но кто мог подумать, что я заинтересуюсь самим городом. Знать бы наперёд!

– Вы скорее часами интересуетесь, – хмыкнул Саша, – но я могу понять, они очень эффектные! Прямо мороз по коже!

– Мороз по коже? Интересно! – Андрей Егорович прищурился.

– Это я так ляпнул, не подумав, – смутился гид, – стоят там наверху, а ты внизу, как букашка.

– Нет-нет, обычно то, что ляпают, не подумав, точно бьет в цель, – произнес старик.

Пекарня находилась на другом конце Ратушной площади. Андрей Егорович и Саша шли туда целую вечность. Старик волновался и двигался очень медленно, потеряв былую прыть. Саша придерживал его за острый локоть и сочувственно поглядывал на бледное лицо клиента. У входа в пекарню они остановились. Саша сделал вид, что увлечен разглядыванием аппетитной выпечки, выставленной в витрине.

– Перейду Рубикон, – сказал Андрей Егорович, – была, не была!

Он решительно открыл дверь и шагнул внутрь. Нежно звякнул колокольчик. В помещении пекарни было тепло и вкусно пахло кофе, ванилью и корицей. У окна стояли два высоких столика. Стульев не наблюдалось. Андрей Егорович приблизился к столику и облокотился на него.

– Я постою, что-то мне не по себе стало, закажите пока капучино и марципаны!

– Добрый день, чего изволите? – из внутреннего помещения, отделенного от зала домо-тканой занавеской, вышла полная белокурая женщина лет сорока пяти, её приятное лицо просияло улыбкой. – Простите, что заставила вас ждать. Туристы к этому времени обычно уезжают.

– Я как-то был у вас, – Саша улыбнулся в ответ.

Он вспомнил, что эта же женщина обслуживала их с Иванским в прошлый раз. Невероятно, но она тоже его узнала.

– О, как приятно вас видеть. К нам обычно не приезжают снова. Особенно молодые люди! – хозяйка поставила на стойку тарелку с марципанами.

– Я – гид, моя работа приезжать в одни и те же места много-много раз! – сказал Саша и заказал два капучино.

– Да, да, я помню, что вы работаете гидом, – говоря это, женщина ловко манипулировала кофейными приборами (кофе здесь готовили по-старинке). – Жаль профессора, такой славный человек был. Но башня закрыта для посетителей.

– Да, – машинально ответил Саша, – он был славный.

Хозяйка выбила чек (кофе за счёт заведения), Саша заплатил (сдачи не надо) и понёс съестное к столику. Женщина повернулась и скрылась за занавеской.

Булочки и кофе были съедены быстро. Андрей Егорович всё время молчал, а Саша из деликатности не стал его тревожить. Выйдя из пекарни, они некоторое время стояли, глядя на здание церкви. Двери башенных часов были закрыты до следующего полудня.

– Вам там понравилось? – робко поинтересовался Саша. – Вы не стали спрашивать про вашу знакомую. Почему?

Старик посмотрел на него и глубже надвинул бейсболку.

– Нет, я не смог, – сказал он, наконец, – хотел спросить, но не смог.

Саша понимающе кинул:

– Значит, не судьба. Хоть кофе выпили. А марципаны у них самые вкусные в мире!

Андрей Егорович поглядел на него тяжелым взглядом:

– Знаю. Она сама их готовит.

– У них рецепты передаются из поколения в поколение! Вот где постоянство, традиция. Может быть, они из-за этих плюшек никуда уезжать не хотят?!

Саша засмеялся собственной шутке и смеялся бы еще долго, если бы Андрей Егорович, положив руку на его плечо, не остановил развеселившегося гида.

– Там, в пекарне, нас обслуживала мать Цецильхен.

Саша не знал, что и сказать. Старик явно сходил с ума, а он нёс ответственность за клиента. Вдруг тот начнет буйнить, кинется искать юношескую любовь, перенапряжётся – и раз – инфаркт или инсульт.

– Давайте осмотрим город, раз уж мы приехали, – совершенно спокойным голосом предложил вдруг Андрей Егорович.

Саша согласился, но уже без прежнего энтузиазма. Он прикидывал, как уговорить клиента покинуть скучный и тихий, но, как выяснилось, плохо действующий на его здоровье городок.

Они посетили музей ремёсел, аккуратное кладбище и невзрачную церковь Святой Бригитты, где покоился прах мастера Якоба. Саша порекомендовал клиенту зажечь свечку (он сам всегда делал это как в православных, так и католических храмах, будучи при этом атеистом), и тут Андрей Егорович решился.

– Саша, думаю, мы можем попасть в башню!

– Вход на колокольню закрыт, да и предупреждение висит... большими буквами, – возразил гид, – может быть, лучше снова пойти выпить кофе? В конце концов, прошло 60 лет, вы могли ошибиться. Спросите про вашу Цецильхен и со спокойной душой поедem обратно. О сделанном жалеют меньше, чем о несделанном!

– Народная мудрость, – покачал головой Андрей Егорович, – но я всё-таки рискну сделать то, чего мне захотелось именно сейчас. А сейчас я желаю подняться на башню!

Саша укоризненно поглядел на клиента, но тот отвернулся и принялся с деловым видом рыться в сумке. Саша обречённо вздохнул.

– Ладно, но будет неловко, если она меня второй раз поймает. Может пожаловаться моему руководству. Знаете, гидом не так-то просто устроиться!

– Она? – старик приподнял брови. – Хочется думать, что это будет стройная блондинка с серыми глазами и обезоруживающей улыбкой. И, ругая, она будет машинально постукивать ладонью по перилам.

– Откуда вы знаете?! – брови Саши поползли вверх.

– Шестьдесят лет назад она поймала меня на башне, – Андрей Егорович почему-то развеселился, – вот так я в неё и влюбился! А что касается вашей лицензии, то ничего страшного. Цецильхен – не ябеда.

Саше стало нехорошо, сердце ёкнуло в груди. Опять он за своё! Кто знает, кого первым хватит инфаркт!

– «Она» я сказал только потому, что она симпатичная и больше запомнилась, – Саша постарался говорить убедительно и спокойно, – но там был ещё и мужчина.

– Гм, не знаю, не знаю, – старик расправил плечи и взглянул на дверь, ведущую на колокольню.

Увидев, что они остались в церкви одни, Андрей Егорович быстро подошел к двери и попытался ее открыть. Убедившись, что она заперта, старик достал из сумки связку ключей и принялся ловко ими орудовать. Саша стоял, не в силах поверить в происходящее. Его клиент, респектабельный пожилой человек, оказался способен на противоправные действия! Гид почему-то на цыпочках подкрался к Андрею Егоровичу и только хотел высказать своё возмущение, как дверь открылась. Старик обернулся, подмигнул Саше и нырнул в проём. Саша последовал за ним, раздумывая, что теперь придётся соврать, что дверь была открыта, что они страдают дефектами зрения, а то и вовсе не умеют читать. Все объяснения звучали неубедительно.

Саша, кляня себя за слабохарактерность, начал подниматься за клиентом по узкой лестнице, цепляясь за металлические перила.

Сквозь узкие оконца пробивались солнечные лучи, что было очень кстати, так как выключателей Саша не заметил. Они шли уже довольно долго, казалось, что они уже поднялись гораздо выше башни. Андрей Егорович молча топал впереди, Саша начинал задыхаться. Он снова подумал, что его клиент сумасшедший. Вон как летит, так шустро и целеустремленно в его возрасте могут двигаться только люди, страдающие навязчивой идеей. Старичок Иванский показался ему сейчас вполне нормальным, во всяком случае, он поднимался по ступенькам тихо и чинно, боязливо цепляясь за перила и для страховки периодически касаясь стены дрожащей рукой.

Они достигли глухого уровня башни, но лестница всё ещё была освещена – Саша никак не мог найти источник света. Скорее всего, это была одна из придумок мастера Якоба, полупрозрачного персонажа, загадочного бургомистра Траумбурга.

Наконец, старик остановился так резко, что Саша чуть не врезался в него. Они оказались перед чёрной металлической дверью, Андрей Егорович принялся её обследовать.

– Нет замков и ручек! – прокричал он, гремя ключами.

– Я думаю, надо спускаться, – благоразумно заметил Саша, – и уберите ваши отмычки, неровен час, увидят!

Старик недовольно заворчал и всем телом налёг на дверь. Не дождавшись результата, он принялся обстукивать её. Саша поёжился, ему показалось, что откуда-то дует. Он не мог бросить клиента, но и оставаться ему не хотелось. Щедрый чаевые и прибавка к зарплате уже не могли компенсировать нервное напряжение. Саша задрожал крупной дрожью, пронизывающий холод пробрал его до костей. Ему стало так страшно, что он уже готов был сорваться с места и кинуться вниз, наплевав на всё, чем он так дорожил.

Внезапно ветер утих, дверь скрипнула и распахнулась. На пороге тёмным силуэтом маячила женская фигура. Она отступила назад, Андрей Егорович и Саша последовали за ней. В комнате, куда они попали, было ещё две двери, Саша догадался, что это что-то вроде холла – из мебели там присутствовал только старинный ломберный стол, покрытый зелёным сукном, и венский стул с твердым сиденьем.

– Садитесь, – женщина сделала приглашающий жест, но Андрей Егорович остался стоять.

– Ох уж эти туристы! – она добродушно рассмеялась. – Колокольня закрыта, внизу висит объявление. Мы собираемся проводить реставрационные работы, как только соберём средства. Сейчас вы немного отдохнёте и отправитесь в обратный путь.

Саша торжествующе взглянул на клиента. Никакой блондинки! Женщина была коренаста, темноволоса, в очках со старомодной тяжелой оправой. Сквозь стёкла поблескивали круглые и тёмные, как вишни, глаза. Она выглядела колоритно, хотя пышная синяя юбка, белая блузка и бархатная чёрная жилетка на шнуровке, составляющие упрощенный вариант национального костюма, не шли к её плотной фигуре.

– Я хотел бы посмотреть часы, – сказал Андрей Егорович, – я приехал издалека, очень вас прошу!

Женщина пожала плечами и, подойдя к одной из дверей, распахнула её. За ней обнаружилась шахта, заполненная металлическими и деревянными деталями. Тросы, цепи, шестерёнки и трубки жили своей размеренной и деловитой жизнью, издавая разные звуки и двигаясь.

– Стал бы я ехать ради этого! – презрительно фыркнул старик. – Я хочу видеть фигуры.

– Я вас провожу!

Саша и его спутник обернулись на голос. Вторая дверь была открыта, перед ней стояла та самая блондинка, которая когда-то не пустила на колокольню профессора Иванского.

– Цецилия? – ахнул старик. – Я думал, ты не появишься.

– Вы меня знаете? – она посмотрела на старика спокойными серыми глазами. – Извините, но я с вами незнакома. А вот молодого человека я уже видела! Он был сегодня в пекарне и мама его узнала.

Саша нервно облизнул пересохшие губы:

– Простите нас, дверь была открыта, я не подумал...

Андрей Егорович подошёл к девушке и снял бейсболку.

Воцарилась тишина, нарушаемая только звуком часового механизма. Саша подумал, что огромное сердце башни бьётся совсем как человеческое. Тик-так, тик-так, тик-так...

– Андрей?

– Да, Цецильхен.

Брюнетка осуждающе покачала головой и вышла. Саша услышал, как стучат по ступенькам её каблуки.

– Ты приехал из-за меня или из-за часов?

– Я приехал из-за тебя, но часы меня тоже интересуют. Последние тридцать лет. Мой интерес к тебе вдвое старше. А ты стоишь передо мной, я вижу твоё молодое лицо и я совсем запутался и не могу рассуждать здраво. Моя логика куда-то испарилась, я увидел твою мать, и тут меня осенило, отдельные факты стали складываться в сумасшедшую мозаику. Может ли быть такое?

Андрей Егорович растерянно умолк.

– Пойдёмте, – Цецилия взяла Андрея Егоровича за руку и повела к двери. Саша шёл за ними с открытым ртом.

И вот, они стоят у Золотых фигур Траумбурга. Цецилия коснулась фигуры Короля, и троица величественно тронулась с места, остановившись лицом к лицу с незваными гостями.

– Но они не золотые! – прошептал Саша. – И не позолоченные!

Он осторожно погладил королевскую руку.

– И это даже не металл!

– Вам виднее, ваш дедушка был ювелиром, не так ли? – сказал Андрей Егорович.

Саша нахмурился. Он точно помнил, что не говорил старику о дедушке. Да, «разведка доложила точно», вспомнились ему слова старой патриотической песни.

– Потрясающе! – Андрей Егорович обращался к Цецильхен, – мы, наверное, первые чужаки, увидевшие статуи так близко. И, если присмотреться, митра Архиепископа вовсе

не митра, и символы на его одежде – не христианские. А короны Короля и Королевы тоже не короны, да?

– К сожалению, не могу ответить на твой вопрос, – ответила Цецилия, – извини. Я и так показала тебе слишком много. Ты добился своей цели и увидел фигуры. А теперь я провожу вас вниз.

Внезапно старик метнулся к девушке и цепко схватил её.

– Сними ремень, свяжи ее! – прошипел он гиду, с трудом удерживая бьющуюся в его руках Цецильхен. – Давай, это последний шанс! Мы должны всё выяснить! Тут наверняка ещё что-то есть!

Саша вздрогнул. В каком-то сомнамбулическом состоянии он подскочил к Андрею Егоровичу и ударил его в челюсть, тут же взыв от боли в суставах. Старик тяжело рухнул на пол и затих.

Цецильхен уставилась на неожиданного помощника широко раскрытыми глазами.

– Я позвала вас, и вы услышали!

– Да нет, он просто с ума сошёл, извините меня, я не должен был идти у него на поводу. Теперь меня точно вышибут! Ударить клиента! Клиента!

Цецильхен склонилась над стариком, а Саша остался стоять перед статуями. Он лихорадочно соображал, что теперь делать.

– Клиент всегда прав! – думал он, разглядывая причудливые головные уборы. – И лица, какие лица. Гротескные, с искажёнными чертами. Нечеловеческие, но по-своему привлекательные и внушающие трепет. Я никогда не видел такого ни в одном музее. И почему на фотографиях этого не заметно? Ах, да, снимки никому не удаются!

Андрей Егорович застонал, Цецильхен что-то зашептала ему. Затем она подозвала Сашу. Вдвоём они усадили старика на платформу рядом со статуями. Он тяжело дышал, глаза его были закрыты.

– Вы не хотели бы остаться? – спросила вдруг Цецильхен. – Нам нужны люди. После смерти мастера Якоба у нас умерло уже четверо горожан. А Андрей слишком стар, к тому же его душа отравлена. Жаль, очень жаль.

– Мастер Якоб умер в 1601 году, – сказал Саша, которому и в состоянии стресса не отказала цепкая память профессионального гида, – мы видели его надгробие. Неужели только четверо за четыре столетия?

– Мастер Якоб погиб в 1945 во время англо-американских бомбардировок. Тут неподалёку был какой-то секретный завод, вот они и бомбили...

Саша кашлянул. Его не оставляла мысль, что всё происходящее то ли сон, то ли какая-то абсурдная невероятная пьеса, актёром в которой он случайно стал.

– Мастер Якоб знал, когда будут налёты, но он не мог их предотвратить, – сказала Цецильхен, – он последнее время твердил, что должен отдавать долги. И он уходил из города и делал так, чтобы ни одна бомба не упала на Траумбург. И однажды он не вернулся.

– Ну и ну, – только и мог сказать Саша, – фантастика! И это сделал один человек?!

– Он ненавидел войну, потому что когда-то потерял всё. Когда он не вернулся, налёты прекратились. Мне повезло, потому что в случае его гибели, в следующий раз должна была пойти я. Он дал мне инструкции. Он доверял мне.

– Ты его любила? – это был Андрей Егорович.

Цецильхен повернулась к нему:

– Я любила моего мужа, но потеряла его и детей во время чумы, потом я полюбила мастера Якоба, но он не знал об этом. Наверное, считал меня чем-то вроде сообразительной обезьянки. Потом я встретила тебя, но ты уехал.

Она снова обратилась к Саше:

– Мастер Якоб пожертвовал собой и так и не дождался того, ради чего установил свои часы. Так вы не хотите остаться и помочь? Нам ведь надо следить за Золотыми фигурами. Каждый день они должны выходить на связь, что бы ни случилось! Иначе придётся сделать так, чтобы вы всё забыли.

– Нет, – Саша смутился, но твердо выдержал её взгляд, – я пока не готов, у меня не хватит мужества, но, может быть, со временем...

– Нет, – сказала Цецильхен, – вряд ли вы сюда ещё приедете.

И как в воду глядела.

Когда они вернулись в отель, то даже и не вспомнили, где провели день...

Мастер Якоб оглядел толпу: оборванные, грязные, утратившие веру в себя люди. Его взгляд скользнул по стройной фигуре той бойкой девушки, которая больше всех суежилась, помогая организовать доставку его громоздкого имущества в город. Он легко смог подчинить их волю, но она, казалось, проявляла даже больше инициативы, чем он запланировал. Её ветхое платье было аккуратно залатано, и она выказала фантазию, сделав заплатки в форме красивых фигур и подобрав цвета так, что одежда не выглядела убогой. Рядом с девушкой всё время находилась полноватая высокая женщина с добрым усталым лицом. Мастер Якоб догадался, что это её мать. Обе были миловидные, белокурые и какие-то особенные. Как будто вся стойкость и достоинство города, разоренного войной, потерявшего всех детей и большую часть взрослых в результате недавней эпидемии, воплотилась в этих двух женщинах. Сейчас они держались за руки и спокойно смотрели на него, ожидая, что скажет уродливый человек, явившийся в их умирающий город в странном, почти шутовском наряде, и которому они почему-то поверили безоговорочно и сразу.

– Спасибо, друзья. Вы мне помогли и ещё поможете, – сказал мастер Якоб.

Ему показалось, что голос его дрожит, и он рассердился на себя за неподобающую чувствительность. Он должен сделать это любой ценой! Он – последний хранитель Великой Триады, а спасённые им священные символы – единственное, что осталось у его народа. Он всё наладит, вознесет их как можно выше, и возможно придет день, когда на знакомый сигнал отзовутся уцелевшие соплеменники! И почти уничтоженная раса возродится, используя знания и силу, сохраненную им на задворках Вселенной! О, он заплатит добрым землянам достойную плату за их труды. Они будут жить долго, очень долго, эти простые и работающие люди, не утратившие человечности в их нечеловечески жестоком мире. Конечно, кое-чем им придется поступиться, кое в чем себя ограничить. Зато он сделает город мирным и процветающим, и ни одна эпидемия не коснется его жителей. Он обеспечит им самую лучшую и надёжную защиту!

– Вы плачете, господин Якоб? – спросила девушка заботливо. – Ваши вещи пострадали, но мы постараемся сделать всё возможное. Слава Господу, наши мужчины искусны в ремёслах!

– Я не плачу, – ответил мастер Якоб. – Я думаю о том, не слишком ли многого от вас требую и нужна ли вам моя награда...

– Не расстраивай господина Якоба, Цецильхен, – мать дёрнула дочь за рукав. – Он знает, что делает!

– Мне нужно еще шесть повозок, – сказал мастер Якоб окрепшим голосом. – Мы должны перевезти всё до темноты.

Страшные истории о девочках

Толстененькая девочка

Хорошая девочка была Танечка. Глазки большие, а цвета, ну прям орехового. Реснички длинные, носик маленький курносый, губки бантиком. А волосики такие рыженькие, чисто медная проволока.

Училась Танечка в четвёртом «А», любили её все детишки и учителя. Воспитанная, скромная, неуспевающим первая помощница, только вот недостаток у неё был – пухленькая слишком. Мальчики с ней дружили, но в любви не признавались, а другим девочкам записочки писали, СМС-ки посылали, за косички их дёргали. А к симпатичным танечкиным кудряшкам ни один мальчик за все четыре года не притронулся. Оно, конечно, хорошо – волос целей будет, но Танечка частенько тайком горько-прегорько плакала. Очень уж хотелось, чтобы хоть кто-то интерес проявил, особенно второгодник Витринкин.

Парень – орёл, не иначе! Высокий, глаза наглые серые, каштановые вихры во все стороны. А на деревья как лазил! Однажды даже МЧС вызывали, чтобы его с берёзы в школьном дворе снять. А он на всех наплевал и сам спрыгнул. Кость со временем срослась, но с той поры Витринкин прихрамывать стал. Танечка его за удаль ещё больше полюбила, да и другие девочки на героя надышаться не могли.

Так жили-поживали детишки четвёртого «А», но назначили им как-то новую классную руководительницу. Тётка такая худощавая, улыбчивая, одета по-модному, хоть говаривали, она из далёкого Чернограда приехала. Танечка из любопытства даже поискала, что это за город такой. Краснодар нашла, Белгород нашла, а Чернограда на школьной географической карте не оказалось. Наверное, городок слишком маленький был.

Учительница-то новая вроде неплохая, вежливая, понимающая, но детишки её почему-то полюбить не смогли. Анна Ивановна у них была, золото, а не человек. Жаль, спьяну с сыночком подралась. И нету Анны Ивановны. Теперь Клара Петровна Фобос к доске учеников вызывает. Танечке тоже неудобно было, что она учительницу всё время с покойной Анной Ивановной сравнивает. И она, чтобы это не показывать, ещё больше старалась Кларе Петровне угодить. А та к ней тоже душевно расположилась. Как увидит Танечку, вся заулыбается, зубки острые кажет: «А, здравствуй, моя толстененькая девочка!» Танечке это не очень нравилось, но что поделать. Робела она учительнице слово поперёк сказать.

Как-то после занятий Клара Петровна Танечке говорит:

– Ты меня домой не проводишь, я тут кое-чего прикупила, тяжело нести!

Танечке отказаться неудобно, характер ангельский. Она согласилась, и пошли они к Кларе Петровне. Танечка хотела до порога сумку поднести, но учительница вроде как обиделась.

– Зайди, – говорит, – милая Танечка. Попьем чайку с пирожным «картошка».

Сели они, чай пьют, вдруг дверь открывается и входит тощий дядька. Лицо костлявое, взгляд исподлобья, одет во всё чёрное.

– Это мой муж, профессор Фобос, – говорит учительница, – а это Танечка. Моя ученица.

Профессор засмеялся:

– Как ты, Клархен, точно эту девочку мне описала.

И облизнулся. Танечка подумала, что он коробку с пирожными увидел, подвинула ему и предлагает:

– Кушайте, пожалуйста!

А муж Клары Петровны снова хохочет:

– Я лучше тебя съем, ты такая толстенькая!

Танечка аж задрожала вся, так странно он это сказал, но видит, учительница тоже смеётся, и успокоилась.

Попили они чаю, а Танечке всё как-то не по себе. Она даже пятое пирожное есть не стала, как её ни уговаривали. Потом профессор Кларе Петровне что-то шепнул, и они в другую комнату вышли. А Танечка подошла к окну и видит, ковыляет по улице Витринкин. Свитер серый, джинсики рваные, на скуле синяк. И так доброй девочке хулигана жалко стало, что она тихонечко дверь открыла и на лестницу выскользнула. Но хозяева не дремали. Слышит Танечка, как они за ней бегут, и профессор Фобос злобно вопит: «Упустила!»

Страшно стало Танечке, она без лифта с шестого этажа кубарем скатилась. Хорошо, что толстенькая, а то убились бы вусмерть. А сзади четыре ноги громышают, и Клара Петровна с мужем ругается. Профессор орёт, что надо всё без свидетелей сделать, а учительница кричит, что точно рассчитала, и им с Танечкой по пути никто не встретился. Танечка почему-то сразу поняла, что добра от них не жди. Выкатилась бедная девочка на улицу, на ноги вскочила и к Витринкину. «Ты что, дура!» – крикнул мальчик и ещё пару слов добавил, которые Танечка знала, но пока не понимала.

А тут и супруги Фобос из подъезда выбегают. Танечка, хоть и маленькая, их всё-таки перекастом обогнала.

Профессор к детям подскочил, хватить Танечку за пухленькую ручку. Глаза безумные, клыки большие жёлтые, пальцы корявые когтистые. А Клара Петровна растрепалась вся, скрюченными руками Танечку за горло ухватить хочет. И увела бы страшная парочка толстенькую девочку, но тут Витринкин как поднимет костыль, как размахнётся! Р-р-раз, и голову профессорскую снёс, два – и Клару Петровну пополам, благо талия у неё тонкая была. Руки учительницы ещё к Танечке тянутся, а ноги и всё остальное на проезжей части. Один водитель чуть со страху не помер, когда Клара Петровна к нему сквозь разбитое стекло вошла.

А храбрый Витринкин Танечку за руку схватил, и побежали детишки скорей. Танечка Витринкина поддерживает, ведь с костылём бегать несподручно.

А на следующий день в школу Анна Ивановна вернулась. Оказывается, сын не до конца её убил, а врачи ошиблись и учительницу в морг отправили. И оставалась бы одинокая женщина невестребованной, но местный сторож на счастье некрофилом оказался. Анна Ивановна после заморозки даже посвежела и помолодела вся. И потом за сторожа замуж вышла. А Танечка прекратила есть пирожные и, когда в новом учебном году в школу пришла, то ребяташки прямо ахнули. Фотомодель! А Витринкин исправился и стал отличником, так хотел Танечке понравиться. И ведь ни разу не напомнил, что её спас. Вот такой скромный герой!

Худенькая девочка

Девочки о профессии фотомодели мечтают, а я вам скажу, мечтать не вредно, но иногда уж лучше бы это мечтою и оставалось.

Анечка вот мечтала, а где она теперь? Так-то. А с чего всё началось? С мечты. Пожелала девочка фотомodelью стать. Для этого танцами занималась, на диетах разных сидела. Очень хотела она на кастинг пойти, который московское агентство «Гламур-мода» в её городе проводило.

Бабушка Анечкина, правда, все эти кастинги кастингами называла и внучку поругивала, что она свои юные годы на глупости тратит. Лучше бы книжку почитала или готовить выучилась – всё для будущей жизни пригодится. Но Анечка вперёд за своей мечтой стремилась и никого не слушала.

Она и так худенькая, Анечка-то, а перед кастингом совсем есть перестала. Встанет перед зеркалом, а из зеркала такая щепочка с голубыми глазками на неё смотрит.

Пошла Анечка на просмотр, в очереди выстояла, а отборочная комиссия поглядела и рожу скорчила – сразу втроём скривились: тётенька, дяденька и неизвестного пола человек.

– Бёдра тяжеловаты, – вот что директор агентства Изабелла Долорес сказала, а все тут же ей поддакивать стали. Охаяли девочку зазря.

Вернулась Анечка домой, горько заплакала, а тут соседка за солью зашла. Увидела, что девочка страдает, и говорит :

– Знаешь, у старого кладбища пятиэтажка стоит? Живёт там бабушка Акулина, знахарка и ведунья. У тёти Тоси сынок от алкоголизма через неё вылечился, у дяди Пети грыжа прошла, а уж Шурка из универсама за заморского принца замуж вышла, теперь из Африки письма пишет.

Так что, посоветовала соседка, дуй к Акулине, она тебе поможет. Анечка так обрадовалась! И пожалела только, что раньше сама не догадалась!

Вечерело, когда девочка из дома вышла. Хорошо, бабушке корвалол понадобился. А аптека аккуратно у кладбища находилась – компактный городок, всё под рукой.

Зашла Анечка в «хрущовку», в нужную квартиру позвонила. Открыла ей бабулечка старенькая. Глазки чёрные из-под седых бровей такими угольками на Анечку смотрят, что ей аж неприятно сделалось

– Знаю, касатка, зачем пришла! – говорит ведунья Акулина. – Есть у меня верное средство! Похудеешь за неделю.

– А как же кастинг? Они к этому времени уедут! – закручинилась Анечка.

– Всё отлично, – успокаивает Акулина, – Изабелла Долорес, которая тебя первая забрала, к вечеру гриппом заболела и кастинг отложила.

– Вот счастье! – обрадовалась Анечка. – Согласна я, сделайте, что надо!

Бабка воду в тарелку налила, подула, пошептала и говорит:

– Иди домой, девочка, и ни о чём не беспокойся. Похудеешь в лучшем виде!

Тут старушка ручки потёрла и захихикала.

– А сколько я должна? – спросила Анечка. Она тайком бабушкину пенсию взяла и боялась, что ведунья больше запросит.

А Акулина как знала – взяла и точно сумму пенсии назвала. Анечка денежки ей вручила и домой побежала. Хорошо, в карманах мелочь завалилась, и она на лекарство наскребла. Добрая была девочка.

Прошло два дня, и Анечка действительно худеть стала. И так она на радостях разволновалась, что ночью спать не могла. Лежит девочка, мечтает, как Изабелла Долорес извиняться

будет, что её восвояси отправила. Вдруг портьера на окошке парусом корабельным выгнулась, и кто-то с подоконника в комнату соскользнул.

Анечка как лежала, так обмерла. Лежит, спящей притворяется, а крикнуть силёнок нет – худенькая слишком.

Тёмная фигура к кровати подбирается, и тут Анечка со страху ручкой до лампы дотянулась и на кнопку из последних сил нажала.

Видит, стоит у её кровати толстый-претолстый дяденька, лицо румяное, глаза добрые такие.

– Вы кто, дяденька? – прошелестела девочка.

Дяденька ей улыбнулся, пальчиком погрозил и говорит:

– Я Жиросос, прихожу к девочкам, которые очень похудеть хотят.

– Так я вас не звала! – сказала Анечка испуганно

– Все вы так говорите, – обиделся дяденька, – сначала похудеть хотите, а потом недобольны! Вообще-то, к тебе уже сеструха моя, Анорексия Егоровна, ходить должна, но я с тобой расстаться не могу. Хорошая ты слишком. Приду ночью, жирку отсосу – и на душе как-то поособому тепло становится!

– Так вы типа вампира? – уточнила Анечка. – Как же вы жир отсасываете?

– А у меня на пальцах присосочки есть, – улыбнулся Жиросос, – стоит дотронуться – и потёк жирок! И следов нет. Чисто я работаю. Куда до меня кровопивцам этим.

Тут дяденька даже как-то горделиво плечи расправил. Поняла Анечка, что неравнодушный к работе он, настоящий трудоголик.

Жиросос тем временем девочку за тоненькую ручку взял, подержал немного, погрустнел вдруг и говорит:

– Эх, зря ноги бил. К тебе теперь Мясоглот прийти должен.

И тут Анечка от усталости задремала. Утром просыпается, до зеркала дотронулась – смотрит, одни косточки с кожей остались. Стоит она, думает, привиделось ей или действительно после Жирососа ещё кто-то к ней навещался.

А тут ещё бабушка пенсию искать стала. У Анечки День рождения скоро, вот старушка и забеспокоилась. Ищет, ищет, не найдёт. К внученьке кинулась, не видела, мол, денежку. А Анечка еле на ногах стоит, а силёнки нашлись – отпихнула бабушку и зло так сказала:

– Ты всегда под ногами путаешься, если бы не ты, я бы давно в Париже блистала! Пенсию свою сама где-то посеяла! Маразматичка старая!

Бабушка расстроилась, вещички тихо собрала и уехала к другим родственникам. Там её обогрели, приласкали, комнату с телевизором выделили.

А Анечка о бабушке и не вспоминает. У неё теперь другие знакомые – настоящий вампир её посещает, такой красивый, бледный. Каждый раз, когда кровушки отпивает, «мерси» говорит. И чудится глупенькой девочке, что она уже в Париже на Елисейских полях гуляет. Потом к Анечке Костоед захаживать стал, всё жаловался, что ему кальция не хватает. Анечка уже сама своими габаритами довольна. В зеркале почти не отражается. А тут и кастинг снова назначили. Изабелла Долорес вовремя поправилась.

Лежит Анечка в ночь перед кастингом, перед глазами картины одна другой гламурнее. Всё розовое-прерозовое. Вдруг смотрит девочка, в окошко какая-то дамочка лезет. Анечка подумала, что худеть уж достаточно будет и строго говорит:

– Опоздали вы, Анорексия Егоровна! Я теперь своими модельными формами довольна.

Дамочка ближе подходит и видит Анечка, что не женщина это, а что-то вроде третьего члена комиссии – по черепу и не определишь пол-то.

– Я никогда не опаздываю, я Смерть – проскрежетало существо и из складок плаща косу вынуло.

– Ты что! – пискнула девочка испуганно. – Мы так не договаривались!

– Акулина тебе обещала, что похудеешь, – сказала Смерть равнодушно, – ты не первая, не последняя.

– А кастинг? – прошептала Анечка.

– А кто говорил, что ты этот кастинг пройдёшь?

Смерть очки надела, бумажки какие-то достала и черепом покачала:

– Нет, тут только про похудение, про перенос кастинга – и всё!

Наутро приехала бабушка, а внученьки и нет. Погоревала старушка, погоревала, потом решила, что Анечка кастинг прошла и в город Париж модельничать уехала. Старая, что она понимает?

Родители Анечкины тоже вскоре из отпуска прикатили, и потом у них ещё одна девочка родилась. А соседка бабушке проболталась, что Анечка к ведунье Акулине ходила. Тогда старушка свои выводы сделала и, чтобы вторая внучка с магиями всякими не связывалась и в нормальной женской кондиции выросла, ведунью подкараулила и кирпичом по голове тюкнула. И сразу у бабушки гипертония прошла и зрение стопроцентное вернулось.

Потом её в Интернет-кафе видели, она у молодёжи адрес сайта агентства «Гламур-мода» просила. Родители Анечкины, конечно, удивились, когда мамаша на старости лет посмотреть Москву захотела. Но что поделать, проводили старушку на экскурсию и все удивлялись, почему это чемодан у бабушки такой тяжёлый.

Добренькая девочка

Классики разные часто намекали, что красота мир спасёт. Да и прямо об этом говорили. Только для знающих людей красота – не только пальчики-маникюрчики, одежда моденькая, волосы крашенные или тушь суперудлиняющая. Для понимающих красота, прежде всего, в доброте и душевности. И спасает она, воистину спасает!

Вот так с девочкой одной произошло. Звали её Мариночка. Очень добрая она была – всем всегда помогала. Конечно, многие этой душевностью пользовались, но Мариночка не роптала. Для неё день без хорошего поступка – не день был, а так, потеря времени.

Иногда, правда, устанет девочка от добрых своих дел, идёт погулять на природу. Возле дома речной вокзал располагался, там кораблики всякие-разные. Волны небольшие на берег набегают, ветерок свежий веет, иностранные туристы прогуливаются, парк рядышком разбит с кустиками да деревьями. Девочка как туда в аллеюку уйдёт, ходит и думает, что бы хорошего ещё сделать! Вот такая милая Мариночка!

Но учинили как-то в парке строительство – гостиницу для богатых туристов решили возвести. Мариночка расстраивалась, всё ходила туда приглядывать, чтоб лишнее дерево не срубили. Очень маленькая «Гринпис» уважала и с него пример брала.

Пошла однажды Мариночка на стройку. А там как раз обеденный перерыв был. Ходит она между деревьями, пустую площадку придирчивым взглядом изучает. И гадкий дяденька по фамилии Натуралов из-за куста её увидел. Дяденька этот очень себя любил, так о красоте своей внешней заботился! Спортом занимался, бицепсы-трицепсы качал. А кроме себя, родного, любил мерзавец ещё одно – малышкой обижать. Поскольку атлет, всегда вовремя убежать успевал. Милиция его искала, но не нашла, да никто бы не подумал, что красавец-спортсмен в свободное время гадостями занимается.

Огляделся Натуралов, видит, что никого нет, вышел из укрытия – и к Мариночке. Смотрит добренькая девочка, к ней голый дяденька идёт и странно так смотрит, руками размахивает.

– Дяденька, что с вами? – спросила девочка участливо. – Вам помочь?

– Ах, помоги, – обрадовался Натуралов, – горю я весь!

Мариночка вся запереживала, что дяденька так мучается. Стала искать, чем бы пожар этот потушить. Видит, пластиковое ведёрко стоит, подняла его и Натуралова облила. Он как заорёт! Мариночка впопыхах ещё одно ведёрко подхватила, потом другое. Натуралов уже притих, к дереву прислонившись стоит, а добрая помощница его всё поливает и поливает. Потом видит Мариночка, что не то что-то вышло. Пригляделась, а дяденька весь белый и молчит. Она со страху ведёрки расшвыряла и убежала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.